

о ее существовании за пределами литературного языка. Отсюда и вывод о том, что специальная лексика искусственна с точки зрения своего происхождения. Конечно, можно провести этимологический анализ, что понимать под словом «искусственный», но совершенно очевидно псевдопроблемность этого вопроса. О какой, например, искусственности термина может идти речь, если вокруг него строится вся научная (далеко не искусственная) деятельность. Вынос терминологии за пределы литературного языка равнозначен на социальном макроуровне выносу всей человеческой культуры за пределы человеческого общества. Тогда естественным для человека остается только его «первобытный быт» с соответствующим количеством языковых знаков. Напрашивается не совсем «естественное» сравнение по этому поводу. Если следовать логике авторов, то получается, что рассказ, например, о прогулке — это процесс естественный, а описание обнаружения элементарных частиц типа кварков — неестественный, ибо он построен на искусственных словах. Добавим еще, что невыясненным остается также вопрос, как термин становится искусственным словом, если он образован, скажем, на основе слова естественного языка.

Противоречивы суждения авторов о первичности/вторичности специальной лексики. Рядом с рассуждениями о «вынужденном» и «естественном» характере появления специальных слов встречаем выводы об их вторичности. Ср.: «Но вся специальная лексика характеризуется нарушением равномерности связей с понятием и объектом, поскольку она ориентирована на искусственно выделяемые объекты и на конструируемые понятия, отсутствующие в естественных условиях, т. е. она — результат искусственного вмешательства человека в естественный ход развития языка. Как следствие этого она вся вторична, искусственно создана из исконных, придуманных или заимствованных элементов» (с. 26); «Любая терминологическая система есть продукт рационального, искусственного создания специалистов» (с. 34). Но: «Истоки специальной лексики уходят в глубь веков, поскольку организованная трудовая деятельность сделала человека человеком и даже самый примитивный хозяйственный уклад требует известного разделения труда» (с. 25); «У специальной лексики иное происхождение и назначение. Во многих случаях она формировалась раньше становления литературных языков» (с. 28).

Считаем, что пути взаимодействия терминологической лексики с общеязыковой нельзя свести к схоластической проблеме — что было вначале: курица или яйцо. Это взаимодействие представляет собой и в онтогенетическом, и в филогенетическом отношении надводную, языковую, часть айсберга, подводную часть которого образуют экстраязыковые си-

стемы и структуры, вмещающие в себе сложные взаимопереплетения обобщенного и специального мышления. Именно эти феноменальные системы и их роль в онтогенетическом становлении homo sciensiae должны быть одним из методологических ориентиров терминоведа.

Несколько замечаний о лингвистических особенностях специальной лексики как объекта терминоведения. Этим вопросам посвящен специальный раздел первой главы. Остановимся только на языковых особенностях терминов, так как некоторые аспекты, представленные авторами, нельзя отнести к собственно языковым. Что можно сказать, к примеру, о полисемии термина? В терминологии недостаточным оказывается утверждение, что термин многозначен, если соотносится с несколькими понятиями. Термин многозначен, если он употребляется в одной профессиональной сфере по отношению к нескольким денотатам (т. е. он полиденотативен), если его значения находятся между собой в отношениях семантической производности и характеризуются категорильностью своей семантики. Поэтому методологически неверно утверждать, что полисемия термина не должна подтверждаться контекстом. Очевидно, что разным оказывается как экстралингвистический контекст у разных понятий, так и лингвистический контекст у разных значений одного термина. Что касается омонимии, то сведение одинаково звучащих слов в общей лексике и специальной, а также одинаково звучащих слов в разных отраслях к омонимам методологически было бы явным упрощением. Во-первых, омонимиями можно называть только такие единицы, которые не отвечают вышеназванным критериям многозначности термина. Во-вторых, специалист явно не счтает омонимиями такие, например, слова, как память (человека) и память (компьютера). Из этих же соображений не могут быть омонимиями, например, топология (в математике) и топология (в лингвистике), аккумуляция (в технике) и аккумуляция (в лингвистике) и т. п. Следует вывести за пределы категорий полисемии и омонимии употребление одного и того же термина с варьированием лежащего в его основе понятия с точки зрения его объема или в отношении его содержания. Изменение содержания моносемичного термина ведет его к неоднозначности, т. е. к амбисемии, расширение объема термина приводит его к бесконечнозначности, т. е. к эврисемии. В разделах о синонимии и антонимии можно найти объективное изложение сущностных характеристик этих явлений.

Из главы «Специфика термина» обратим внимание на проблему, которая сформулирована авторами как «ингенция и экстенция термина». «В работах по логике и философии, — таково мнение авторов работы, — пишут эти термины то через ц, то через с, ориентируясь то